Дерзкая попытка.

Художественный театръ, этотъ дерзкій, отважный и талантливый юноша, самоувѣренно идущій такъ, гдѣ еще до него никто не ходилъ, ошибающійся, спотыкающійся, но все же идущій впередъ и вперекоръ старости и дряхлости, въ то время, когда вокругъ него все безнадежно дряхло и не спотыкаясь топчется на одномъ основательно-ровномъ мѣстѣ, — Художественный театръ взвалилъ на свои плечи новую тяжкую задачу. Театръ настроенія: въ будущемъ сезонѣ обѣщаетъ онъ дать самую полную всесвящ настроенія; онъ собирается занести насъ въ непроходимыя дебри настроенія. Онъ ставитъ «L'intruse», «Les aveugles» и «L'intérieure», наиболѣе характерныя и наиболѣе необычныя, съ точки зрѣнія установившихся вкусовъ, созданія Метерлинка.

Тотъ, кто знакомъ съ этими мягкими безплотными воздушными призраками, такими грубыми и такими искусственными, такими зыбкими и такими вымученными, такими прекрасными и такими уродливыми въ одно и то же время, — тотъ понимаетъ, какъ безконечно, вымышленно-дерзка задача, которую задалъ себѣ Художественный театръ.

Еще такъ близко то время, когда мистически-туманныя, проникновенные образы фантазіи бельгійскаго символиста встрѣчались или мѣщанскимъ смѣхомъ, или мѣщанскимъ раздраженіемъ, которое такъ легко просыпается, когда установившаяся [illegible] нарушается новыми, непонятными явленіями. Теперь порывы мистицизма, боязни всего новаго, по отношенію къ Метерлинку, въ значительной мѣрѣ уже утихли. Его огромный своеобразный талантъ признанъ уже не только въ «его приходѣ», но и всѣми тѣми, кто умѣетъ отдавать должное явленію, хотя оно совершается и не въ здѣшнемъ приходѣ.

Метерлинка чувствуютъ уже, очень [illegible] 1904 г.

«Это—вся жизнь, и въ то же время тутъ нѣтъ вовсе жизни»,—говорятъ они. «Это не дѣйствительность, но можетъ быть нѣчто болѣе значительное, чѣмъ она».

Впрочемъ, «очень многіе»—это только относительно. Его чувствуютъ очень многіе изъ умѣющихъ чувствовать. Но самому характеру своей музы Метерлинкъ поетъ для немногихъ. Муза его любитъ уединеніе, сумерки, сосредоточенность. Она нутро прислушивается къ тому, что происходитъ на граняхъ нашего міра и такъ чутко, только въ моменты наибольшаго напряженія души, доносится къ нашемъ мірѣ.

Метерлинкъ, какъ и такихъ нѣжныхъ и глубокихъ поэтовъ, какъ Тютчевъ и Фетъ, надо читать въ уединеніи, вдалекѣ отъ толпы, въ наиболѣе томъ настроеніи— и поэтъ Художественный театръ берется за воплощеніе автора «Сѣдыхъ» на сценѣ.

Да, это именно дерзость, но дерзость, которой почтительно удивляешься.

Что Художественный театръ значительно раньше свою публику, что онъ научилъ ее не только смотрѣть пьесу, какъ это было раньше, но и слушать ее,— это всѣ сознаютъ. Внѣ сомнѣнія и то, что благодаря этому театру отчасти проникли въ публику, отчасти и вновь создались драматическія произведенія, вдохнувшія новый, не затронувшійся прежними драматургами слой человѣческой жизни.

Но несомнѣнно, съ другой стороны, и то, что у театра есть свои требованія, разумѣется, созданныя обществомъ, но до нѣкоторой степени постоянныя. Тѣ произведенія Метерлинка, которыя будетъ ставить Художественный театръ, до такой степени противорѣчатъ этимъ требованіямъ, что дѣлаютъ сомнительной самую возможность ихъ сценическаго воплощенія безъ тяжкаго урона для этихъ нѣжныхъ, странно-плѣнительныхъ созданій.

Ихъ герои, чутко прислушивающіеся къ звукамъ, идущимъ къ другого міра, окруженные таинственными, враждебными силами, находящіеся во власти предчувствія—предчувствія могутъ, не повредивъ своего слишкомъ нѣжнаго существа, перейти въ міръ грезъ, гдѣ имъ такъ полно живется, въ слишкомъ реальный міръ сценической реальности.

Возможно, даже очень возможно, что попытка это не увѣнчается успѣхомъ, какъ не увѣнчалась она въ Петербургѣ (хотя на этотъ разъ попытка дѣлается съ гораздо большими силами, гораздо болѣе серьезная), но все-таки она свидѣтельствуетъ, что у этого дерзкаго, отважнаго, талантливаго юноши, именующаго себя Художественнымъ театромъ, много силъ, и что идетъ онъ, дѣйствительно, тамъ, гдѣ до него не ходили, и, несмотря на свои ошибки и заблужденія, и, можетъ-быть, благодаря именно ошибкамъ и заблужденіямъ, понимаетъ такъ много изъ того, чего мы еще не видѣли...

Сергѣй Яблоновскій.